

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА

Хронология возникновения Калмыцкого ханства считается приоритетным и дискуссионным вопросом калмыцкой историографии. Исходя из положения о том, что калмыцкое общество издавна было социально дифференцированным и поэтому могло существовать только в государственной форме, М.Л. Кичиков датирует этот процесс 50 - 60-ми, а П.С. Преображенская и М.М. Батмаев - 80-ми гг. XVII века [Преображенская 1968: 167-169; Очерки истории 1967: 127-136; Батмаев 2002: 77-93].

В настоящей статье предпринимается попытка по возможности точно определить дату возникновения Калмыцкого ханства на основе реалий, характеризующих видение данного явления его современниками и отраженных в калмыцких нарративных источниках.

Итак, в анонимной «Истории Калмыцких ханов» говорится: «Когда Западные Ойраты во время смут убивали друг друга, Торгоутский тайша Хо-Орлек, не желая расстроить своих подвластных, откочевал далее к народам чуждого происхождения, которых он и завоевал. Думая двинуться дальше в 1618 году, он послал добрых людей высмотреть берега Каспийского моря. Заподлинно узнав, что там земли никем ни заняты, он взял своих подвластных Торгоутов, а также Хошоутов и Дербетов - всего 50000 кибиток и с 6 сыновьями в 1628 году двинулся на Запад, оставил свой Нутук в Зюнгарию. Не доходя до р. Урал, он покорил кочевавших здесь Ембулуковских татар (Цзимбулук), кочевавших при р. Эмбе, перешедши Урал, подчинил татарские поколения Ногай, Хатай-Хабчик, Чжитесен (Едисан) и в 1630 году прибыл к

Волге» [История 1860: 123 - 124].

У Габан Шараба записано: «В 1628-м году Лоузанг ойродским владельцам представил намерение свое от них отлучиться, в 1629-м году действительно отошел, в 1630-м году перешел Яик и Волгу, завоевал татар, в том же году Хо Орлюк и Дайчинг пришли к Яику, в 1631 г. пришли к Волге» [Габан Шараб 1969:157].

Такую датировку опровергает калмыцкий нойон Батур-Убуши Тюмень: «Торгоуты, пройдя мимо г. Астрахани, остановились кочевьем при р. Волге; от этого времени (1703 г. по Р.Х.) до настоящего года шорой-тула (1819 г. по Р.Х.) прошло 116 лет». И далее: «Еще прежде падения Зюнгарского нутука, одна половина торгоутов осталась в Коко-Норе, другая половина торгоутов в 2654 году от перерождения Бурхан-Бакши (в 1693 г. по Р.Х.), пройдя мимо города Ачжидархань (Астрахань), поселились при р. Ичжил (Волге); вслед за тем, в 2732 году (в 1771 г. по Р.Х.) они изменили, ушли и с дозволения китайского правительства поселились в приалтайских странах» [Сказание о Дербен-Ойратах 1860: 8, 13, 14].

Рубежом XVII и XVIII вв. датировали вхождение калмыков в состав России китайские авторы император Гаоцзун и мандарин Циший [Memoires 1820: 170]. Можно допустить, что сближение дат ухода и возвращения торгоутов в китайской интерпретации событий является намеренной дезинформацией, например, с целью подчеркнуть временный, случайный характер откочевки части ойратов на запад. Но заподозрить подобную мотивацию у Батур-Убуши Тюменя сложно. Тем не менее, в данном вопросе он солидаризируется с китайской точкой зрения и расходится с калмыцкой исторической традицией вполне сознательно, так как безусловно был знаком с «Историей Калмыцких Ханов» и «Сказанием об ойратах» Габан Шараба, которые имелись в его собственном книгохранилище. Г.С. Лыткин прямо указывает на то, что Батур-Убуши Тюмень при составлении собственного труда пользовался сочинением Габан Шараба [История 1860: 122].

Взаимоисключающий характер отмеченных хронологических расхождений можно снять, если допустить, что они обусловлены различиями в углах зрения, под которыми

рассматривался данный исторический феномен, вследствие чего были выявлены его действительно разные, но не исключающие, а дополняющие друг друга аспекты. Анонимный автор «Истории Калмыцких Ханов» и Габан Шараб фиксируют время первого появления торгоутов на берегах Волги лишь как факт исторической географии, не связывая его ни с подчинением торгоутов России, ни с их намерением остаться здесь для постоянного обитания. Так, Габан Шараб свой хронологический пассаж продолжает словами: «По приходе же на Волгу, прожив четырнадцать лет, и вспомня учиненную ойродскими владельцами присягу, покочевали было обратно на прежние жилища, и по дороге к ним приехала родственница их дербетева владельца называемого Дайчинг Хошоучи жена, за которою следом муж ее Дайчинг Хошоучи пришел с войском, на него Орлюк и Йельденг со всеми торгоутами, напав, в сражении убили» [Габан Шараб 1969: 157 - 158].

По мнению М.Л. Кичикова, в данном случае речь идет о сыне Далай-Батыра и дочери Хо-Урлюка, которая, оставив мужа, вернулась в отцовские улусы с семилетним сыном Солом-Сереном и несколькими тысячами подвластных людей. Этот дербето-торгоутский конфликт имел место в 1642 г. и был расценен как нарушение «Великого Уложения» 1640 г., и джунгарские ойраты начали войну против приволжских. Эти обстоятельства и заставили торгоутов остаться на Яике [Кичиков 1994: 68]. На то, что в первоначальные планы торгоутов не входил захват территорий по берегам Волги для расселения, указывают адресованные в 1641 г. астраханским воеводам слова тайши Шункея о том, что калмыки признают русскими указанные территории и не претендуют на них, считая своими кочевьями земли по Яику [Богоявленский 1939: 78].

Что касается китайских авторов и Батур-Убуши Тюменя, то они фиксируют факт и время принятия политического решения о суверенном существовании Калмыцкого ханства в Северном Прикаспии и, соответственно, отказа на обозримую перспективу от планов объединения всех ойратов в рамках единого государства с центром в Джунгарии.

В течение всего XVII в. в общественном сознании

ойратов, включая представителей торгоутской элиты, доминировало восприятие торгоутов в качестве неотъемлемой части общего ойратского этнополитического целого, хотя и в виде самого удаленного, последнего на западном направлении улуса. Такое удаление осознавалось как серьезная опасность, что отразилось в политических прогнозах Цецен-хана, которые приводятся Габан Шарабом: «А дайчинговы потомки торгоуты как находятся в тесном месте сами собою жить недолго будут, а останутся в Российском или другом каком варварском подданстве» и Батур-Убуши Тюменем: «Разве торгоуты с Дайчином (своим нойоном) не на краю света (булунг газар?). Впоследствии они поддадутся русским или китайцам (подкрашивающим ногти). Что там дальше будет неизвестно» [Габан Шараб 1969: 10; Сказание о Дербен Ойратах 1860: 30-31].

С другой стороны, в течение длительного времени эта удаленность до известной степени компенсировалась связью всех ойратских субэтносов и создававшихся на их основе политических образований. Связь была настолько органичной, что она прослеживается даже в личной судьбе Аюки, родившегося в Джунгарии и до 12 лет (почти совершеннолетнего, по меркам того времени, возраста) воспитывавшегося дедом-чоросом Эрдени-Батур-хунтайджи. Эта связь, краеугольным камнем которой в политико-правовой сфере стало «Великое Уложение» 1640 г., имела множество разнообразных проявлений от брачных союзов до вынашиваемых Эрдени-Батур-хунтайджи планов возвращения торгоутских тайшей с берегов Волги [Златкин 1983: 133].

К тому же удаленность не означала географическую изолированность. Своими перекочевками в широтном направлении ойраты перекрывали все южно-сибирское степное пространство от Иртыша до Урала, что регулярно фиксировалось в русских источниках. Так, под 1654 г. отмечено: «А на Тоболе де кочюют многие тайши и дурбетцы и Дояна-тайши (Даян-Омбо. - В.К.) и Яшкена и Аюши вниз по Ишиму и ниже Шикчи Карагая и ближе Бешкуля» [Русско-монгольские отношения 1996: 18]. В 1662 г. хошоутскому тайше Аблаю было адресовано запрещение кочевать вблизи башкирских угодий, хотя его основные кочевья располагались

в 30 дней пути от Тобольска и Яика и в 40 - от Тары [Русско-монгольские отношения 1996: 84, 86]. В том же году улусы хошоутских и дербетских тайшей во главе с Кундулен-Убаши прикочевали к левому берегу Яика, а их послы вели в Царицыне переговоры о подданстве [Русско-монгольские отношения 1996: 90, 459]. В 1674 г. улусные люди Цецен-хана и чоросского тайши Чокура кочевали в 7 - 10 дней пути от Тобольска, а сами тайши - на расстоянии 2 месяцев пути [Русско-монгольские отношения 1996: 261].

Показательно сообщение 1673 г. о том, что дербетский тайша Дундук просил разрешение у русских властей на кочевание по р. Ику, что в 5 дней пути от Тобольска. При этом уточняется, что зимой вверх по Ишиму с Дундуком кочевал его родной брат Септен, «а кочевал с ним, с Дундуком, в торгоутах вместе и разъехались по совету, а не в войне» [Русско-монгольские отношения 1996: 257]. Судя по данному сообщению, кочевья торгоутских и других ойратских тайшей непосредственно соприкасались и даже вклинивались друг в друга. Линия такого взаимопроникновения проходила по азиатскому берегу Яика. Именно здесь преимущественно кочевал Хо-Урлюк, затем Дайчин и Мончак. Аюка со времени своего появления в Северном Прикаспии также предпочитал постоянно держаться со своими улусами ближе к Яику, хотя после 1655 г. калмыки получили официальное разрешение царского правительства кочевать в волжских степях, включая Придонье.

В сентябрьской 1682 г. «отписке тюменского воеводы Т.Г. Ртищева тобольскому воеводе А.А. Голицыну о собраниях и совещаниях среди башкир и о столкновениях их с калмыками» говорится: «Аюка де тайша Мунчаков порубил башкирцов от Казани до Уфы, и по Ику, и по Биру, и по Таныпу и до Ртекеевы деревни, а которые де башкирцы здешние были в зборе на Ирдыше озере и стояли де на острове, боясь от воинских калмыцких людей от Аюка тайши, а тот де тайша ныне стоит за Еиком по Илеку реке» [Материалы по истории Башкирской АССР 1936: 210]. Таким образом, Аюка, готовясь к военной кампании, отвел мирное население своих улусов на восток, за пределы досягаемости русских войск и под прикрытие «дальних калмыков», затем, совершив стремительный набег, отступил туда, откуда в случае

серьезной опасности без труда можно было последовать за женами и детьми, или, где, наоборот, недолго было дожидаться их возвращения. На тесную связь приволжских калмыков с приалтайскими как характерную особенность эволюции ойратского сообщества в XVII в. впервые указал Н.Я. Бичурин [Бичурин 1991: 89, 90].

Такое положение было возможно лишь до тех пор, пока к концу XVII столетия не выкристаллизовались равные по статусу и потенциалу ранние ойратские государства - Калмыцкое и Джунгарское. С этого момента сближение торгоутов и чоросов неизбежно предполагало подчинение первого второму, потому что у Джунгарского ханства при прочих равных условиях имелось важнейшее преимущество - оно развивалось на территории общеойратского этнического очага. Однако для такого сближения не было настоящей необходимости. Ни Калмыцкому, ни Джунгарскому ханству в этот период не угрожала реальная опасность извне. Выход приволжских торгоутов на пик военно-политического могущества создал парадоксальную ситуацию: удаляясь от этнической родины в западном направлении, они укрепляли свой государственный суверенитет, сближаясь с ней, рисковали его потерять.

Зародившаяся еще в первой трети XVII в. этнополитическая поляризация ойратов быстро стала доминирующей тенденцией, что прослеживается по калмыцким источникам. «Аюка-Хан, не гордясь перед Зюнгарскими Ойратами, но вступал с ними в родственные отношения; так он выдал свою дочь за Цеван-Рабдана (сына Зюнгарского владельца Сенге). Кроме того, он ездил в Зюнгарию и привел на Волгу тех Торгоутов, которые оставались в Зюнгарии» [История Калмыцких Ханов 1860: 314]. Дербетским, хошоутским и хойтским тайшам пришлось согласиться со статусом сателлитов и сделать выбор между одним из двух центров набиравшей силу ойратской государственности. Сообщение о том, что «Дербетовский владелец Солом-Церен-Тайши в году модон-барс (1674) прибыл на Волгу с 4000 кибиток подвластных и, подчинившись Аюки-Тайчжию, увеличил его силу» [История Калмыцких Ханов 1860: 293, 294], по-видимому, следует понимать как датировку принятия Солом-Сереном, одним из

наиболее крупных дербетских нойонов, окончательного решения о кочевании вместе с Аюкой на Волге. В 1676 или 1678 гг. вдова Цецен-хана Доржи-Рабдан, приходившаяся родственницей Аюке, «прибыла из Зюнгарии с 1000 подвластных и, присоединившись к племяннику, увеличила Калмыцкий улус» [История Калмыцких Ханов 1860: 271].

Обобщенное определение этой тенденции, приведя последнее и самое значительное ее проявление, дал Габан Шараб: «Прежние ойродские знатные владельцы один другого подданных от своих не различали, а различать начали Бошокту Хан, завоевав Цецен хана, Зорикту Хон Тайджи, отняв у Санджипа и условились, что однородцев от себя к другим не отпускать, а прежде один другому отдавали. Санджип с отцом своим ханом Аюкою в 1699-м поссорился, а в 1700-м покочевал в Зенгорию, куда пришел в 1701 годах в вешнем первом месяце, по-калмыцки называемом Цаган Сара, то есть в феврале, и по приходе ево туда Зоригту Хон Тайджи улусы его взяв себе, самого за караулом обратно отправил к Волге к отцу ево Аюке-хану» [Габан Шараб 1969: 150]. Относительно истории с захватом Санджипова улуса Цеван-Рабданом Г.Е. Грумм-Гржимайло отметил, что, по мнению китайцев, именно тогда Цеван-Рабдан стал надменно сноситься с китайским двором и заключил: «Действительно, есть основания полагать, что именно в это время он замыслил стать самостоятельным ханом всех ойратских поколений и восстановить сполна прежние границы Джунгарии» [Ädöi i - Ädæèi äéèi 1899: 110].

Н.Я. Бичурин мысль об окончательном выделении в начале XVIII в. приволжских торгоутов из общеойратской этнополитической общности сформулировал следующим образом: «В правление Цеван-Рабтаново Аюки, Хан Торготский, приходил из России в Чжуньгарию, откуда увел с собою остальных Торгоутов. После сего Хойт, сильнейший из Дурботских Родов, возведен в степень ханства, и Эллоты посему продолжали называться Четырьмя Ойратами. Достойно замечания, что Китайские Историки с сей Эпохи полагают действительное переселение Торготского Поколения в Россию, хотя они сами пишут, что Торготский Владетель Хо-Урлук еще в правление Хара-Хулы ушел со своими родственниками в Россию и поселился при реке Эгили»

[Бичурин 1991: 57]. А.И. Чернышев прокомментировал данный тезис в том смысле, что Аюка-хан, посетивший в это время Джунгарию, увел на Волгу большую часть еще остававшихся в Джунгарии торгоутов. После этого остававшиеся на этнической родине торгоуты уже не могли претендовать на статус, равный статусу чоросов, дербетов, хошоутов. Их место заняли умножившиеся и усилившиеся хойты [Чернышев 1990: 54, 55].

Имеется еще одно косвенное подтверждение справедливости датировки окончательного государственного самоопределения и локализации торгоутского субэтноса в Нижнем Поволжье рубежом XVII - XVIII веков. М.М. Батмаев обратил внимание на то, что именно в это время прежнее обозначение владетельных князей в среде приволжской калмыцкой знати титулом «тайши» начинает заменяться титулом «нойон» и окончательно вытесняется им в середине 1720-х годов [Батмаев 1993: 170, 198]. Как известно, традиционная ойратская титулатура восходит к Юаньской династии, окончательно сформировалась при Минской династии и имела двойное происхождение: китайское (jin-vang, джионг - от чжэн-ван (правящий князь), hong-taiji, хунтайджи - от хуан-тайцзы (царевич-наследник), taiji, тайджи - от тай-цзы (царевич), taiishi, тайши - от тай-ши (великий наставник), cingsang, чинсанг (министр), jaisang, зайсанг - от цзай-сян) и монгольское (поуан, поуон, нойон (господин), дополнявшееся старинными прозваниями: bagatur, батыр (богатырь), örlüg, урлюк (витязь, герой), хосhi-uci, хошочи (предводитель хошуна) [Владимирцов 1934: 138, 141-143, 146]. При этом титулатура китайского происхождения превалировала. Ее замена монгольской свидетельствовала об окончательном освобождении приволжских калмыков от китайского влияния.

Таким образом, образование Калмыцкого ханства воспринималось современниками в качестве факта изменения геополитической и этнополитической ситуаций внутри общеойратского социума и на его границах. Во второй половине XVII в. ойраты вышли за пределы Азии и прочно осели на юго-восточной окраине Европы. В конце этого столетия Аюка перенес политический центр торгоутского субэтноса на Нижнюю Волгу, раздвинув его границы от Эмбы до Дона. По крайней мере часть его кочевий совершенно

определенно оказалась внутри намеченных цепью поволжских городов формальных границ Русского государства, которое *de-jure* признало калмыков своими подданными. Вектор сезонных перекочевок ойратов переменялся с меридионального на широтный, и главная граница между зимними и летними кочевьями пролегла по нижнему течению Волги. В то же время сами калмыки свое вхождение в состав России на правах подданных признавали лишь формально. Вследствие быстрого развития юридических атрибутов собственной государственности они укрепились в сознании своего суверенного существования и именно с такой позиции выстраивали свои отношения с соседями, не исключая Россию.

Представляется, что датой возникновения Калмыцкого ханства, и не только с формально-юридической точки зрения, но и по существу, следует признать 1690 год, когда главный иерарх ламаистской церкви Тибета пожаловал Аюке ханский титул и прислал инсигнии ханской власти [Бакунин 1995: 26]. Фактический статус политического образования приволжских торгоутов получил высшую в ойратском сообществе санкцию.

Литература

1. Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торготского, и поступков их ханов и вдельцев. Сочинение 1761 года. Элиста, 1995.
2. Батмаев М.М. Калмыки в XVII - XVIII веках. События, люди, быт. Элиста, 1993.
3. Батмаев М.М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII - XVIII вв. Элиста, 2002.
4. Бичурин Н.Я. (Иакинф) Историческое обозрение Ойратов или Калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста, 1991.
5. Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыцкого народа в первой половине XVII в. // Исторические записки. Т. 5. 1939. С. 48-101.
6. Владимирцев Б.Я. Общественный строй монголов (монгольский кочевой феодализм). Л., 1934.
7. Габан Шараб. Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись) // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969.
8. Грумм-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. Т. 2. Поперек Бэй-Шаня и Нань-Шаня в долину Желтой реки. СПб., 1899.
9. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635 - 1758. 2-е изд. М., 1983.
10. История Калмыцких ханов // Астраханские губернские ведомости.

1860. Часть неофициальная. № 19.

11. Кичиков М.Л. Образование Калмыцкого ханства. Элиста, 1994.

12. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII - первой половине XVIII в. М.; Л., 1936.

13. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967.

14. Преображенская П.П. Рец. на: Кичиков М.Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образования Калмыцкого государства в составе России. Элиста, 1966 // Вопросы истории. 1968. № 8.

15. Русско-монгольские отношения. 1654-1685: Сб. документов. Сост. Г.И. Слесарчук. М., 1996.

16. Сказание о Дербен-Ойратах, составленное нойоном Батур-Убаши Тюменем. Астрахань, 1860.

17. Чернышев А.И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М., 1990.

18. Memoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les moeurs, les usages, ets de Chinois / Par les missionaries de Pekin. T. I. Paris, 1776. P. 407; О переходе Тургутов в Россию и обратном их удалении из России в Джунгарию (Сочинение Китайского князя Цишия, переведенное с китайского подлинника г. Надворным советником С.В. Липовцовым) // Сибирский вестник. Ч. 12. 1820.